

© *Леонард И. Браев*

Нецеситная социология

Резюме

Нецеситная социология (Necedit_Sociology) – теория жизни и развития человеческого общества, исходящая из закона её определения взаимным отношением в нем **необходимости** и **свободы**. Автор – Ибраев, Леонард Иванович, доцент кафедры философии Марийского государственного университета^[1].

Основные понятия и положения теории

Необходимость (от лат. *necessitas* – необходимость), (англ. necessity, need, нем. Notwendigkeit) – это такие объективные отношения людей и созданных ими систем с миром (≡ **условия**), которые **вследствие естественных причин и законов** обеспечивают их существование в своем качестве, так что без них или без подобных им **замен** люди впадают в застой (то есть не могут развиваться), а затем – в деградацию, разложение и в итоге погибают.

Такова, например, для человека необходимость в достижении воды, пищи, тепла, защиты от опасности, средств действия, знаний и другого, без чего он невозможен. И не только отдельных особ. В обществе необходимость определяет прежде всего самые **важные фундаментальные** дела нашей жизни-практики: **всякое производство**: телесное – **быт, сервис, медицина** (воспроизводство организма людей), материальное производство – **хозяйство**, познавательное – **наука** и духовное производство – **искусство и школа**, включая ведущее их **общение** (через речь, письмо и другие его материальные средства) и питающее их **продуктное обращение**, а также охрану и порядок отношений общества – **государство**.

В соответствии им в необходимости выделяются её многообразные **виды** (аспекты): необходимость **физиологическая** (а внутри множество её подсистем – компетенция физиологии), **утилитарная** (польза, ущерб и т. д.), **языковая** (речи, внутри фонемная, морфемная, синтаксическая, стилистическая и др.), а затем и других средств общения, необходимость **логическая**^[2] (отношения понятий, силлогическая, теория, доказательство и др.), **математическая, производственная** (внутри: **технологическая**: быта, хозяйства, его отраслей, **методология** науки и др.), **экологическая, психологическая, аксиологическая (эстетическая)** (вкусы, **художественная** (внутри искусство, его виды, стили, моды и т. д.), **этическая** (внутри: **нравственная**: гордость, совесть, стыд и т.д., **моральная**: добро и зло, нормы, долг, честь и др.), **экономическая**^[3] (ценовая, торговая, прибыль - убыток, бухгалтерия, банки, бюджетная и др.), **социальная** (внутри: взаимные зависимости, власть, обычаи, нравы и др.), **государственная** (военная, бюрократическая, идеологическая, правовая, политическая, партийная и др.), – вся и всякая **культура**.

Эти необходимости, напр., логики, математики, языка, экономики или технологии, профаны обычно третируют, мысля и именуя их всего лишь **“правилами”**, которые по произволу устанавливают и нарушают люди. А потому воображают, что исключительные мудрецы, спасители человечества могут строить их **новые** конвенции и даже **претворять** в дело свои великие проекты благодатных перемен, **не обращая внимания** на то, что нарушения **“правил”** почему-то ведут к недоразумениям и неудачам, а в итоге к сюрпризам болезненным, а там и гибельным, доказывая, что за этими **авторегуляциями** практики стоит нечто жесткое, почему люди **не могут** по произволу от них отказаться. Изменять их люди **могут**, а **по** открывшейся **необходимости** даже **должны**, но осторожно, по занятым в проекте естественным законам рассчитывая или хотя бы приблизительно прикидывая для сложнейшей системы их вероятные для нас последствия и потому лишь в каких-то пределах, часто точно не известных.

Так практические удаchi и неудачи **доказывают**, что такие социальные **авторегуляции** в своей сущности – не произвольные **“правила”**, а за ними стоят **объективные законы** нашей жизни – **практики**, обусловленные используемыми в ней **законами естественными**. Но в отличие от природы – нецеситные законы общества охраняются **необходимостью**, потому что она возникает из вовлеченных законов природных.

И такая необходимость царит по всему обществу – даже и там, где никаких **“правил”** не установлено. Необходимость – подлинный всеобщий направитель общества. Она сокрушает любых диктаторов, но ее свергнуть нельзя^[4]. Общество может позволить себе получить лишний продукт за счет отдыха работника, его досуга и бытовых условий, нужных для его самовосстановления и развития: квартиры, развлечений,

выходных костюмов, клубов, – но потеряет потом во много раз больше от снижения его энергии, а там и преждевременного истощения трудоспособности. Развитие производства вызывает потребность в знаниях, она – потребность в чтении, общении, библиотеках, досуге и других условиях для обновления и расширения знаний и вообще культуры. Через пять лет, если учитель, инженер или врач не работает над своим интеллектом, он не знает уже половины того, что знал, и еще столько же или больше из того нового, что ему надо было узнать. Общество может пренебречь этой необходимостью и сэкономить на интеллектуальном досуге и быте, но тогда оно приходит к тому, что возможности производства остаются неиспользованными и в нем начинаются всякие неполадки: выпускается брак, больные уходят от врачей невылеченными, его дети в школе приобретают не интерес и любовь к знаниям, а отвращение и вырастают неучами и т. д. Жадность оборачивается расточительством. А большевистская попытка “отмены торговли” и замены её “продразверсткой” обернулась гражданской войной и страшным голодом и вынудила вернуть торговлю; также как потом в маоистском Китае пренебрежение к необходимости соразмерной зависимости между трудом и потреблением тоже обернулось годами голода и экономического регресса.

Познание и агенты необходимости

Необходимые отношения далеко не всегда те, что существуют в наличие, а часто как раз те, каких еще нет. Этот **разлад** действительности с необходимостью первоначально предстает людям как состояние бед и страданий нашего **тела, сознания и дела по непонятной причине** и поэтому с непонятным способом его преодоления; поэтому захватывает все наше внимание и мысль.

Это беспокойство исстари знакомо всем и именуется **заботой** (Sorge, anxiety, trouble). А в XIX веке – в особенности применительно к обществу – публицисты стали именовать его “**вопросом**” (аграрный вопрос, земский и т.п.), а с XX в. – чаще **проблемой**. Редко различая проблему **теоретическую**, научную, – непонятное противоречие теории и фактов и проблему **практическую** – разлад дел и их результатов, хотя, конечно, разлады мысли и дела едины.

Однако необходимость **незрима**, потому что она не вещь, а именно **отношения** между вещами и нами. А потому, в чем заключается отсутствующая часть необходимого, это само еще необходимо понять или обрести вслепую. Но ни то, ни другое не гарантировано.

Необходимость **может** воплощаться в самом существе человека: в **состояниях** его организма и в рефлексах, в его идеалах и других **идеях** как его направители – **потребности**. Однако она не тождественна им, потому что человеческие потребности и идеи бывают также и **ложными**, как у наркомана или фанатика утопии, а необходимость **ложной не** бывает – по её определению – потому что она **не** наше состояние или идея, а объективные отношения между миром и людьми.

Необходимость – царица капризная. Она не говорит своих повелений – узнай сам, а только карает за их неисполнение. Нарушитель ее велений обречен лишь оттянуть конец, пока позволяют его **резервы**. В истории неоглядна печальная череда зияний, когда люди и целые народы оказываются неспособными свою необходимость постигнуть или достигнуть и исчезают.

Разлад действительности и необходимости производит **ценностное** расщепление **мира** на приятное и противное, успокоительное и страшное и т. д. Сам их разлад приходит к нам как разрушение и страдание и обобщенно его бранят **злом**. Обычно неблагодарно не замечая, что как раз это зло заставляет нас что-то глубже понимать, ценить и достигать.

Соответствие реального и необходимого и этим его удовлетворение есть то, что переживают и, обобщая, величают **благом**. Поэтому благами стали называть также и сами **отдельные средства** удовлетворения нужд, материальных и духовных: солнечные лучи, земля, хлеб, электромотор, медицинская консультация, музыка и т. п.

Необходимость и свобода

Таким образом, необходимость и есть **направитель** и **ограничитель** человеческой психики и жизненной практики. Но, тем не менее, она не тотальна и не исключает нашей **свободы**.

Свобода открывается нам возможностью **выбора вариантов** достигнуть необходимое **разными** способами, хуже или лучше, – в зависимости от наших знаний и материальных средств, хотя притом также и риск не получить его вовсе; зато над исполненной необходимостью возможность обрести некоторый **произвол** в своих делах.

Как голод можно утолить и черствыми корками и царскими яствами, так необходимость, скажем, в ученье может быть осуществлена и в академии, и на чердаке самоучки^[5]. А когда необходимое достигнуто, в остальных своих желаниях и действиях человек от него свободен. Конечно, произвольные действия тоже причинены, но без них мы можем обойтись. Телевизоры, ковры или духи выпускаются не потому, что современная жизнь без них так уж невозможна. Миллионы достойнейших людей прекрасно обходятся без

них. Мало ли что можно сказать и сделать не только без всякой необходимости, но и лишнего, а то и во вред себе. Как *блажь* балованных господ, от какого-нибудь Нерона до современного юного мота. Потому-то *прихоти* так сучны и капризно изменчивы, что в них нет необходимости.

Но над исполненной необходимостью поднимаются не только прихоти, но и **свободное творчество** – в любом труде: в быту, в технике, в искусстве, науке.

Творчество потому и отличают особым именем от никчемных дел, что оно служит удовлетворению необходимости. Однако служа необходимости, само творчество может быть свободно от нее, побуждаемо не нуждой. Радио и автомобили были изобретены при определенном уровне техники причинно и даже непременно, но не потому, что в те времена люди без них никак не могли обойтись. Хотя даже там, где творчество совершается не по необходимости, а свободно, его плоды становятся **заменой** прежних средств удовлетворения необходимости, избавляя от их ограниченности. Так непредвидимо происходит **переход** самого произвольного – *свободного* в **необходимость** для нового уровня развития.

Таким образом, не все в жизни и истории люди делают по необходимости и неизбежно. И хотя "обходимые" действия, конечно, тоже чем-то причинены и поэтому даже могут быть непременно, но в нашей воле их избежать или отворотить. Однако свободные действия не отменяют иных действий – необходимых.

Как все антиномии, необходимость и свобода означают не только взаимное **исключение**, но также **ограничение, дополнение и переход** друг в друга. Выше это уже показано.

Закон необходимости вытекает из ее определения:

Люди свободны познавать и исполнять необходимость или погибнуть ^[6].

Несколько проясняет закон его переформулировка посредством **обращения**^[7] в суждение, по смыслу совершенно то же самое:

Люди *свободны* не исполнять необходимость, но погибнуть.

Так свободными героически вымерли те из наших предков – наяпитеков, которые не захотели превращаться из обезьяны в человека.

Из закона **необходимости** следуют три других социальных **закона** – для продуктивных отношений:

1. В необходимой ситуации взаимные **дополнения** и **обмены** между людьми есть основа **связей** общества^[8].

2. Следующие из необходимости **зависимости** образуют сущность **связи** людей в интеграциях **социаций**, – повсюду: от семьи до государства, экономики и в целом структуризации всего человеческого общества как такового^[9].

3. В необходимой ситуации **замены** есть источник **конфликтов** и **развития**^[10].

Следствие нецеситных законов: *абсолютное* удовлетворение необходимости недостижимо, поскольку необходимость всегда *конкретна* и бесконечно **развивается**. Изменение как нас самих, так и обстоятельств, как независимое от нас, так и то изменение, которое мы сами создали, намеренно или ненамеренно, нарушает необходимое отношение, и эта постоянно возникающая **рознь** субъекта с объективным миром становится источником человеческого развития^[11].

Исходя из этих основных положений нецеситизма, автор отважился на критический анализ основных общественных **явлений** (и их **трактовок** в социологии), таких как: производство, культура, семья, народы, классы, профессии и другие страты, государство, конфликты, развитие, формации, цивилизации, революции и т. д., а также важнейших актуальных **событий** нашей современной истории. В надежде, что в нецеситном подходе они предстанут в новом теоретическом свете и дадут объяснение и практические решения наших трудностей.

А что из этого получилось, судить не автору. (См. публикации в списке литературы.)

Доказательство теории

В изложении теория выставляет **три** типа доказательств необходимости:

(1) **Актуалистическое** доказательство – **объяснением** её **следствий**, – приведенных выше примеров обыденных и исторических фактов принуждения людей к подчинению необходимости, притом даже независимо от формулировок каких-то "правил".

(2) Обратное ему **доказательство "от противного"**, "приведением к абсурду" ≡ то есть иначе (без нецеситности) – к **беспричинности** таких аподиктических нецеситных фактов.

(3) **Практическое доказательство**: сверка (верификация) доступных опровержению тезисов теории с фактами в анализе социальных явлений и событий.

Критика и апология теории

Стихийное понимание необходимости слишком хорошо знакомо людям труда. Нет человека, который бы не пользовался суровым словом “Надо!”. Даже такой мечтательный философ, как Платон, не обошелся без него^[12]. Но за тысячелетия истории оно так и не попало в философию и в науки в качестве теоретически определенного и исходного понятия.

Зато давно **заранее** готова *критика* нецеситизма, которую порождают его превратные понимания: *фатализм*, вера в строгую причинную predeterminedенность событий: “судьбу”, “рок”, “фатум”, и – её антимомная идеологическая мифема, *тихизм*, вера в тотальность случайности (“жребий”, удача, “тихэ”, “фортуна”) и в беспричинность (“свободу”) воли и действий.

Причем обе антиномии существуют, разумеется, в обеих идеологических версиях, как мистической (сверхъестественной: бог, провидение, мировой разум, рок и т. д.), так и материалистической (естественной: “историческая неизбежность” или “вероятность”, и даже *квазифизической*: *непознаваемые законы* того и другого)^[13].

Мистический миф судьбы, надзвездной и безглазой, конечно, *исторически* древнее. Но материализм предшествует *мистицизму логически*, потому что в своих теоретизированиях мистика питается и оправдывает себя слабостями и дефектами материализма.

Поэтому в ответе на критику нецеситной теории достаточно восполнить недостатки в примитиве монолектического материализма в понимании необходимости.

Упрек нецеситизму в *фатализме* следует из одностороннего упущения из вида **человеческой** стороны необходимости, а именно упущения существа самого человека и сведения необходимости к одним *исключительно внешним* причинам, ≡ обусловленности, и оттого представления человека всего лишь *их марионеткой*, а самого – *неживым* и пустым^[14].

Тогда как, на самом деле, причинённость присуща **всему** физическому и химическому миру. Любой камень воплощает в себе обстоятельства всей бесконечной истории своего образования. Но в мертвой природе никакой необходимости *нет*. Почему? Потому что там нет **самоуправления** для самосохранения. Только живое отличается **самосохранением** путем **самоизменения** своего обменного отношения со средой – поведения и **самовоспроизводства** (размножения), а потому и эволюции, а у людей еще и путем преобразования природы и себя – производства.

Поэтому только возникновение **самоуправления** у живого превращает обусловленность в его собственный внутренний двигатель – необходимость^[15].

Вот почему необходимость есть определитель человека вовсе **не** только *внешний*, делая его будто бы лишь *марионеткой* обстоятельств, а также **внутренний** закон собственной нашей жизни и развития, который как соединяет человека с миром, так и **противопоставляет** его миру в качестве особого образования, которое **само** направляет себя.

В отношениях с объективным миром человек подчинен необходимости, но в том-то роль и свобода человека, что необходимость не противостоит ему, но обусловлена отношением именно его **собственной** биологической и человеческой сущности: необходимость существует только для того, в чем есть это стремление к сохранению своего существования, для живого, потому что необходимость есть то, без чего оно не может жить.

Потому-то роль и свобода человека являются в том, что из всех возможностей он выбирает как раз необходимость, то есть свое благо. А если достигает обратного, то вопреки своему желанию и предвидению. У людей не известно никакой иной **ценности** и, следовательно, критерия **оценки**: пользы ли, добра ли, прогресса ли, – помимо самого себя.

Нет свободной от причин воли, но сам человек – тоже ее причина. Человек – не ноль, не марионетка и даже не компьютер, а живое существо и творец, – *особая* одушевленная материальная система, которая управляет сама собой и сохраняет и развивает сама себя во взаимодействии с миром и в преобразовании мира.

Поэтому, хотя нашей волей владеют её причины и необходимость, но их власть не обрекает нас быть орудиями какой-то чуждой нам “судьбы”, потому что всегдашняя другая сторона причин нашей воли – мы сами и наша необходимость – отношение с миром нас самих. Тем самым люди – **соавторы** себя, своей судьбы и истории – благодаря своей способности оценивать происходящее и предпочитать будущее.

Здесь, в таком самосоздании человека таится причина **обреченности** всех по своей идеологии *фаталистических утопий* дивотворных тотальных *диктатур*, рассчитанных как раз на *внешнее* причинение воли подвластным людям: «бытие, де, определяет сознание». В истории таких диктатур неизменно оказывается, что у человеческой души есть свои собственные законы и причины и никакое

насилие сломить их неспособно: они отвергают навязываемые идеи, упорствуют на своем, сопротивляются или халтурят, только показывая вид, будто подчиняются, притворяются – но делают всё не так и не то.

Даже сами бюрократы первые норовят исполнять только то, что им выгодно, а остальное фильтруют и саботируют, создавая лишь видимость исполнения и успехов, устраивают лживые отчеты, деревни и парады, лгут и воруют и торгуют за взятку своей властью – должностями и подписями. Вся диктаторская система раздирается этими внутренними антагонизмами между тем, к чему людей приневоливают, и их собственной волей, повсеместно разлагается на тайно враждующие элементы, функционирует неэффективно, буксует, гниет идеологически, отстает производственно от соседей, слабеет, превращая командный барак в бардак, и в итоге вся великая диктаторская затея рушится.

Так неожиданно наша **необходимость** оказывается **оплотом** человеческой **свободы**.

Общественная необходимость и антагонизмы

Другое серьезное **возражение** нецеситизму выдвигается как раз здесь: *антагонизм* интересов в обществе исключает в нем единую всеобщую необходимость.

К сожалению, эта печаль верна, но не вполне. Да, в антагонизме необходимость становится *разной*: есть личная необходимость, без чего погибает вот этот человек; есть стратовая (классовая) необходимость, без чего погибает вот эта страта, и они взаимно исключаются.

Поэтому в *противоречивом* обществе необходимости могут противоречить желаниям и свободе и отдельных людей, и даже и целых страт. Так, становление **либерального коммунизма**^[16] – общества свободного товарищества созидателей, без обездоленных, роскоши и насилия, – необходимо. Хотя достижимы эти идеалы не через диктатуру, а, наоборот, через широчайшее развитие рыночной конкуренции и демократии.

Свободный коммунизм уже сегодня является идеалом для многих созидателей, которые, исповедуя его, тем самым свободны. Но исторически необходимый и неизбежный свободный коммунизм, разумеется, пока не вызывает восторга у корпоративных магнатов и их менеджеров, которые либо противятся, либо вынуждены подчиниться его необходимости. Необходимость есть неволя для тех, кто ее не хочет.

Из антагонизма и разновекторного сложения разных необходимостей и стремлений страт, а также из стечения наличных средств и условий в истории происходит *страшное*: неизбежным становится то, чего никто не желал и не предвидел. Из разных чаяний получается нечаянный исход, как злой рок^[17].

Но тогда как же при антагонизме возможна необходимость **общественная**?

Общественная необходимость бывает возможна только благодаря тому, что, если из-за антагонизма интересов Эдипов исход событий не удовлетворит необходимость **общества** как **цельной** системы, то оно либо погибнет, либо будет вынуждено снова переменить себя – по своей необходимости теперь именно общественной, но из-за антагонизма в *альтернативе* – выборе не между хорошо и плохо, а в выборе между плохо и еще хуже, – то есть путем либо трудных реформ с их уступками компромисса, либо при неуступчивости сторон – путем революции с её уже жертвами.

А неизбежности, которые противоречат общественной необходимости, оказываются *преходящими*. В конечном итоге в истории неизбежно именно необходимое. Пусть не скоро, а то и, увы, *не всегда*, но тогда оно уже выпадает из продолжения в истории.

Однако ведь любая из борющихся страт оценивает мир со своей позиции и уверена, что будущее принадлежит ей. Как же возможна беспристрастная сценка истории? – недоумевают теоретик - релятивист. – Откуда известно, что субъективный интерес трудящихся выражает общечеловеческий интерес? Общечеловеческим свой интерес объявляют и любые правители.

В погоне за “естественнонаучной” социологией марксизм довольно высокомерно третировал “апелляции к нравственным требованиям негодования или справедливости”, “наивное морализирование взамен анализа логики действительности”, – как они рассуждали на гегелевский лад, – признавая в негодовании трудовых масс разве что “симптом” того, что строй “пережил себя”^[18].

Но, на самом деле, наоборот, *страдания* несут в себе содержание вполне **материальное** и **телесное**, даже смерть, и являются во-1) следствием **зла**, разлада реальности с необходимостью^[15] тоже вполне объективного, и во-2) реальным (а не каким-то там “логическим”) *принудителем* к его разрешению – преодолению.

Поэтому массовые страдания трудящихся есть проявления *неблагополучия* общественной системы и необходимости ее преобразовании, либо неизбежности гибели.

Интерес и, стало быть, будущее человечества обычно бывает на стороне недовольных существующим строем созидателей, потому что их недовольство – выражение розни в нем и провиденье его новой

необходимости. Как и необходимость, неизбежность *не* обязательно *противостоит* нашему благу, желанию и свободе, но может быть скрыта как раз в нашем благе, желании и свободе, и тогда подчинение необходимости воспринимается как свобода. Тогда борясь за свое благо, желание и свободу, люди тем самым осуществляют исторически необходимое.

Привилегированные же редко способны подняться над существующим порядком, увидеть необходимость его смены, потому что ослеплены своими привилегиями; само существование их страты ограничено рамками наличного строя, а вне его она рассыпается. Кто доволен всем существующим, на лучшее неспособен.

Хотя, разумеется, это вовсе не значит, что *сами страдальцы* всегда истинно понимают причины своих страданий и пути избавления от них. Как, к примеру, жертвы индустриализации XIX-XX веков, отчаявшиеся маргиналы и люмпены с их *культом* коммунистической *диктатуры* – идеализации своего прошлого, принимаемого за светлое будущее: патриархальной общины, распределения и бюрократической деспотии, которые в новых условиях обернулись еще более чудовищными страданиями, бездарным расточением огромных ресурсов и массовым террором, унесшим десятки миллионов жизней, а в итоге за 70 лет усилий “обгона Америки” скатили страну по уровню душевого потребления с 5-го места в мире где-то на 50-ое.

По нецеситной социологии, ложная мудрость – видеть в истории всего лишь водовороты “фактов” да претворение слепых неизбежностей. Истинная материалистическая социология не исключает желания и идеалы из истории, а показывает их нецеситные причины. Сами исторические неизбежности и законы существуют для людей в качестве необходимости, а необходимость говорит с нами языком страданий от несчастий, возмущения несправедливостью и устремления к идеалам, – благодаря чему жизнь обретает не только “естественнонаучный”, но и человеческий смысл, а история предстает не *мертвым* природным – “естественным процессом”, а человеческой драмой, борьбой добра и зла, исполнением и крушением надежд.

Как раз то, что необходимость существует лишь для нашей человеческой сущности и открывает для нас также и лучшую из возможностей, это и дает основание верить в пробивающийся в историческое драме, как тяга, *закон прогресса* – улучшения человеческой жизни. Хотя осуществляется прогресс не сам собой, а в созидании и в опасных общественных раздорах и борьбе.

И не только в историю, человек вносит прогресс также и *в природу*. В природе все связано, но каждое отдельное явление в ней действует как часть, образуя в своих столкновениях неразумную *стихию*. Даже живое. Каждое растение и животное борются лишь за *свое* существование, а гармония целесообразности прокладывается в нем лишь через вымирание неприспособленных. И только человек – тоже часть природы – действует как единственное в ней начало, соединяющее разрозненные стихии, конечно, ради своей, но все же *единой цели*.

Хотя социальные деструкции несут также и в природу многие экологической деструкции.

Гносеология превратного понимания необходимости

Таким образом, противоречия мистических представлений о “судьбе” и “свободе воли” односторонне отражают реальное *противоединство* в человеке внешнего и внутреннего.

С одной стороны, призрак “судьбы” встает из раздувания обусловленности и ограниченности человека и пренебрежения его собственной сущностью и мощью. А с другой стороны, призрак “беспричинной случайности” и “свободы воли” встает из раздувания возможностей самого человека и пренебрежения его обусловленностью и ограниченностью.

Известного рода эпатажным мыслителям весело поражать людей грозной картиной неизбежности сверхчеловеческой, грядущей независимо от того, нравится она нам или нет, или, наоборот, картиной всемогущей вольницы человека.

Понимание диалектики необходимости и свободы рассеивает эти страсти.

Ссылки:

[1] Первые публикации по нецеситной теории:

(1) Браев (Ибраев) Л. И. *Сквозь лики мира*. Изд. 2-е, доп. и рекон., «Стринг», 2010.- 427 с.

ISBN 978-5-91716-085-6. Изд. 1-е. Москва, «Молодая гвардия», 1979, - 206 с.

(2) Браев (Ибраев) Л. И. *Необходимость и свобода. Начала нецеситной социологии*. Изд. 2-е, доп. Изд. «Салика», 2013.- 652 с. ISBN 978-5-906541-01-7 Изд. 1-е, «Стезя», 1993. - 558 с.

(3) Браев Л. И. *Цены и деньги. Начала нецеситной квантовой экономики*. Изд. 3-е, изд. «Диалог», 2010. – 446 с. ISBN 978-5-9902114-4-5 Изд. 1-е: Нецеситная теория цен. 1989 г., 172 с.

(4) [www/leonard-i-braev/Necesity_sociology.%20..pdf] Работа Ибраева. В конце документа — список других его публикаций на эту тему.

[2] Браев Л. И. *Элементарная логика*. Изд. МарПИК, 2004, § 1.10 -11, с.16 -18.

[3] См. Браев Л. И. *Цены и деньги*. § 2.1.1 - 2.

- [4] Браев Л. И. Сквозь лики..., с.117, 131.
 [5] Там же, § 3.6.1
 [6] Браев Л.И. **Необходимость и свобода**. § II.1, с. 533.
 [7] **Элементарная логика**, с.98.
 [8] **Необходимость и свобода**. Разделы III.1.2, III.1.5.
 [9] Там же, разделы III.1, IV, VII.1
 [10] Там же, раздел III.2.2
 [11] **Сквозь лики**, с.130.
 [12] Платон. **Сочинения**. М. Изд. «Мысль», 1970. Т.3, ч. 2, с.33.
 [13] **Сквозь лики**, §§. 2.1, 3.1 – 2.
 [14] Там же, § 3.10.
 [15] Там же, § 3.5, Браев Л. И. **Связи розей**. 2011, §§ 10.5 -9.
 [16] Браев Л. И. **Наш путь к коммунизму**. 2002.
 [17] Маркс К., Энгельс Ф. **Сочинения**. М., Т. 21, с.184.
 [18] **Сквозь лики**, § 3.7.

Литература:

- (1) Браев (Ибраев) Л.И. **Сквозь лики мира**. Изд. 2-е, доп. и рекон., «Стринг», 2010.- 427 с.
ISBN 978-5-91716-085-6. Изд.1-е. Москва, «Молодая гвардия», 1979, - 206 с.
 (2) Браев (Ибраев) Л. И. **Необходимость и свобода. Начала нецеситной социологии**. Изд. 2-е, доп. Изд. «Салика», 2013.- 652 с. **ISBN 978-5-906541-01-7** Изд. 1-е, «Стезя», 1993. - 558 с.
 (3) Браев Л. И. Цены и деньги. **Начала нецеситной квантовой экономики**. Изд. 3-е, изд. «Диалог», 2010. – 446 с. **ISBN 978-5-9902114-4-5** Изд.1-е: Нецеситная теория цен. 1989 г., 172 с.

Статьи:

- Как нам обустроить Чечню? // *Российская газета*. 13.01.2000, №1, с.1 и 5.
 Наш путь к коммунизму. Социофилософия. *Доклад* в ДПР. 2002.
 Вымрет ли Россия? 2004 – 2006.
 Спасет ли Россию иммиграция? 2004 – 2006.
 Как нам сохранить Россию? // *Независимая газета*. 07.09.2010. 15 полоса.
 Как поднять Россию? // *Независимая газета*. 05.10.2010. 15 полоса.
 Моя предвыборная программа для кандидатов в президенты. 2008, 2011, 2017.
 Эсерская альтернатива России. 2013.
 Вины золотой молодости. И др.